

СОХРАНЁННАЯ ПЕСНЯ

Что хранит «Ладанка»?

Ладанка — мягко и напевно звучит это слово. Ладанка — амулет, оберег, несущий добро и защиту. «Ладанка» — именно такое ласковое название дали своему фольклорному ансамблю его участницы. Рассказывает об ансамбле художественный руководитель Наталья Владимировна Сизова. Рассказывает и, как бы иллюстрируя свое повествование, то поет, то танцует, то играет на старинных музыкальных инструментах, показывает народные костюмы, обрядовые маски, разворачивая передо мной завораживающий спектакль.

— Наталья Владимировна, все же почему именно «Ладанка»?

— «Ладанка» это очень древнее слово. Исходит оно от имени языческого божества «Лады» — богини весны, олицетворяющей женское начало. Ладанка была амулетом девушек, призванная оберегать их от дурного глаза, от несчастий и болезней. Делалась она чаще всего из дерева или кожи и несла либо изображение богини, либо ее символику. Лада являлась охранительницей женщины, девичьей чести, очага, семьи. А наш коллектив чисто женский: в ансамбле восемь девушек, репертуар у нас, естественно, тоже женский, и мне кажется, что название нам очень подходит.

— Да, название действительно удачное. Но как вообще возникла идея создания

ансамбля, давно ли он появился, по какому принципу подбирались участницы?

— Нашему ансамблю в мае 1994 исполнится два года. Мне трудно оценивать, много это или мало, но за данный срок у нас уже поставлено и сыграно два спектакля, сейчас готовится третий.

Идея возникновения ансамбля пришла как-то сама собой. Раньше я работала у Дмитрия Покровского в Ансамбле народной музыки. Мы много ездили в экспедиции, собирали песенный материал. Так получилось, что, когда я ушла из ансамбля, у меня остался огромный багаж не использованных ранее песен. Они мне были очень дороги — ведь собирались не одним днем и даже годом, хотелось все это донести до широкого зрителя, показать, поделиться. Вот тогда я и решила создать свой фольклорный коллектив. Ходила по институтам, просмотрела много народу. Сейчас у группы есть ядро — четыре девочки, которые здесь с самого начала. Многие уходили и приходили: очень трудно освоить, принять манеру народного утешительного пения. В институтах ведь не учат петь так, как поют в деревнях. Подобная манера исполнения непривычна, ее надо почувствовать, поверить в нее, принять для себя. Те, у кого это получилось, остались в ансамбле. Но мне хотелось особенно отметить, что все девушки в ансамбле имеют высшее музыкальное образование, то есть наш коллектив профессиональный, а не самодеятельный.

— Наталья Владимировна, как я поняла, репертуар «Ладанки» обширен и разнопланов, могли бы вы сами как-то классифицировать его?

— Наверное, прежде всего следует выделить карагодные, обрядовые песни, связанные с земледельческим циклом, плодородием, ведь испокон веков женщина неразрывно была связана с землей-кормилицей. Именно поэтому в наши спектакли входит цикл весенних календарно-обрядовых игрищ.

Очень интересная обрядовая игра-диалог оплакивание Костромы (проводы Зимы). Считалось, что Кострома несет смерть, зло, болезни, неурожай и поэтому ее надо изгнать из села и похоронить — это своеобразный очистительный и обеспечивающий будущий урожай ритуал. Кострому изображает молодая девушка в страшных, черных обрядах, действие сопровождается хороводом и пением:

«А что, девки, пора Кострому хоронить?»
«Костромушка-Кострома,
Чи ты дома, чи нема,
Стук, бряк в ворота,
Костромушка дома?...»

Ну и так далее. Или, например, игра в козла. Выбирают одну из девушек и обряжают ее козлом. Козел должен пугать, бодаться, а остальные девушки водят вокруг него хороводы. В этой игре сохранились отголоски языческого культа плодородия, связанного с этим животным. Очень красива обряд «кумления». Приурочен он к Семику (Троица). Девушки кумятся: обмениваются кольцами, ожерельями, целуются через венки — и таким образом становятся сестрами на весь год.

Другим пластом нашего творчества являются былины и духовные стихи. Так нами исполняется духовный стих «Федор Тирин» и былина «Змей Тугарин и Орлиха». Подобные песни всегда нелегко найти, основной материал почерпнут у некрасовских казаков, на Белгородчине, а также у сектантов: молочан и духовоборов.

Есть в нашем репертуаре песни лирические. Эдакое центральное место занимает лирика любовная.

Особая тема нашего творчества — песни свадебные, семейно-бытовые традиции.

— Мне кажется, что сейчас стало модным показывать обряд, ритуал русской свадьбы. Вы не боитесь повторения?

— Мы берем редкий — женский чин русской свадьбы. Его очень мало кто показывает. Это не разухабистое, действительно уже немного поднадоевшее гуляние, перед зрителем предстает невеста, ее мать, подружки; крестная. Наша свадьба не веселая, а горькая. Мне думается, что на Руси, особенно на севере — юг был богаче, урожайнее — условия жизни были так тяжелы, что свадьбы невольно становились именно горькими.

Мы показываем плач невесты на могиле своих родителей — подлинный северный плач, привезенный из Калуги. У нас в свадьбе очень интересные танцы, их рисунок подлинный, а не сценический, возрождается необыкновенная народная пластика. Девочкам пришлось ее долго осваивать. Все это очень красиво и пластически и певчески.

— Все эти действия сопровождаются музыкой. Какие инструменты звучат в ваших спектаклях? Вы выступаете в сопровождении оркестра или аккомпанируете себе сами?

— На всех инструментах мы играем сами. А они у нас разнообразные: многие подлинные, привезенные из экспедиции, некоторые сделаны на заказ, а некоторые мы делали сами. Вот например, калюки — это такие дудки-свистушки, создаются они из сныти — зонтичного растения, которое можно найти на болоте. Это растение ядовито, и нужно хорошо знать, когда его срезать и делать дудки. Сами делаем мы и кугиклы — тростниковые дудки-свистушки. Инструмент этот считается языческим, и в деревнях старики говорят, что играть на нем большой грех, хотя сами играют. Кугиклы бывают пятиствольчатые (они ведут основную мелодию) и трехствольчатые — придувальные, на них играют синкопированным, отрывистым ритмом. Иногда игра на кугиклах сопровождается голосовым «эффканьем».

Играем мы также на трещотках и гребнях, на рожках, хотя это мужская традиция; но ведь сколько раз женщине в тяжелую годину приходилось подменять мужей и по дому, и на пастбищах, аккомпанируем себе на дудках-пыкатках, на акаринах — глиняных свистульках, чаще всего созданных в форме коней.

— языческого символа солнца, на гудках, гуслях, саратовских гармошках, жалейках и даже на обыкновенных косах. Все эти инструменты пришлось долго осваивать, учиться, но это необходимо, если претендуешь на звание фольклорного ансамбля, ведь фольклор — это как бы синтез разнообразнейших народных искусств и ремесел.

— В таком случае у вас должен быть очень серьезный подход к костюмам. Ведь ваша сценическая одежда должна быть подлинной, не придуманной, пусть даже самими гениальными художниками-модельерами.

— А наши наряды действительно подлинные, чаще всего привезенные из тех же экспедиций. Очень редко кое-какие потерянные детали доделываем сами, но обязательно следуя указаниям местных жителей той деревни, откуда привезен наряд. Вот посмотрите домотканый костюм из Рязанской области из села Секирино: клетчатая панева, кушаки, рогатые кички, обратите внимание: здесь опять всплывает элемент язычества, почитание коровы как символа плодородия. А какая вышивка, каждая полоса — это ведь определенный код, у каждого региона, каждой деревни своя симво-

лика, и вся эта информация заложена в узоре костюма. На Руси всегда любили красные и белые цвета. Красный — олицетворение солнца, силы, здоровья, белый был цветом траурным, это уже позже христианство привнесло черный, но в народном костюме он не очень прижился.

Наша гордость — курский костюм XIX века. Выглядит он как новенький, даже и не скажешь, что более века пролежал в сундуках и хранился так бережно и заботливо, как только умели хранить в русских деревнях. Костюм этот нарядный, радостный, яркий, плиссированная юбка, большое количество кушаков, верх украшен ручным золотым шитьем. В этом костюме женщина напоминала птицу — диковинную курицу-паву — и двигаться должна была соответственно плавно, красиво. Животные мотивы все время просматриваются в традициях русского народного костюма. Вот головной убор белгородского наряда, он так и называется «сорока» и делает женщину опять похожей на птицу. Для деревенского человека взаимосвязь с природой всегда была естественной и неотъемлемой. И мы все это стараемся донести до зрителя. Несколь-ко раз даже устраивали во время концертов разъяснительные лекции: рассказывали о костюмах, о традициях, о том, что видим и узнаем во время поездок. Но в последнее время появились определенные сложности, из Москвы в деревни приезжают «купцы» и оптом забирают всю старинную одежду и продают ее за рубеж за огромные деньги. А ведь многие из этих вещей уже стали раритетами, музейными экспонатами. Вывозят даже ткацкие станки и домашнюю утварь. Это действительно беда, скоро в Америке будут лучше знать, как выглядит русский сарафан, чем у нас. Вот мы и стараемся сохранить хоть какую-то малость.

— Наталья Владимировна, в своем рассказе вы часто упоминаете экспедиции. Расскажите кто в них ездит, какие области выбираются и почему?

— В экспедиции ездят все участницы ансамбля и это обязательно. Каждый вносит свою лепту: Калуга, Курск, Тверь, Вологодский край, Волгоградская область, Белгородчина, Тульская, Брянская, Костромская области, Ставропольский край — да все сразу и не вспомнишь. Куда только ни ездили! Ведь каждая деревня — это свой материал, и поют и танцуют здесь по-разному, и все это надо освоить, записать, заснять. Работа огромная и кропотливая. На выбор географии влияет манера исполнения девочек, ее тяга к тому или иному образу, а следовательно, и региону. И, один раз выбрав, она уже как бы живет в конкретном материале, становится носителем определенной традиции.

— А не страшно сейчас стало ездить? Одним девушкам в какую-то глухомань, добирался на перекадных, не зная наперед, как тебя встретят, что за люди где живут.

— Сейчас, конечно, стало страшнее, чем раньше. Видимо, придется менять стиль работы — надо обновлять материал, программу, а вдвоем уже не поездишь. По-видимому, придется выезжать по четыре человека, а то и всей группой. Потом ведь еще надо время верно выбрать. В деревнях, например, вообще не поют в посты, даже постовые песни чужим людям показывают редко, неохотно. Много летних календарных праздников, время для сбора информации вроде бы благодатное, но опять надо учитывать, что лето — разгар полевых работ, значит петь будут только вечерами, а весь день вроде как и не у дел получаешься. Хотя мы стараемся помогать.

Встречают нелегко, не всегда радостно — здесь нужен такт, умение говорить с людьми. Старики не могут понять, почему своя молодежь искусством совсем не интересуется, тут из самой Москвы специально приехали. Ну уж если разговаривать и разохотеть, то и поют и пляшут, причем все бабули старенькие, но двигаются так энергично, что остается только позавидовать.

— А что, неужели действительно среди местной молодежи не находится желающих сохранить традиции, стать преемниками?

— Не то что о традициях, а о своих родителях не вспоминают часто. Вот были мы в одной деревне, как в насмешку называется она Муже-тино — а живут там одни вдовы, всем лет под восемьдесят. Дворы бедные, все ветхое, полуразрушенное. Они после войны из детдомов по девять-десять детей взяли, воспитали, на ноги поставили. Так ни один, вы можете поверить, ни один из этих «детешек» не приезжает. Смотреть страшно, поют вдовы плясовую, а сами плачут, плачут... Мы теперь к ним стараемся выбираться, да и они нам письма пишут: «Приезжайте, девки, с огородом помогите».

— Поедете?

— Конечно.

— Теперь вопрос, с которого наверное, надо бы было начать: вы сказали, что в вашей программе несколько спектаклей. Почему вы избрали такую нетрадиционную форму для фольклорного ансамбля, почему не просто концерт?

— Мне не хотелось бедно показывать наш материал. Основная цель была, отталкиваясь от сущности песен, обрядов, показать, что соединяет их воедино. В Московском театре Пушкина мы показывали народную оперу, спектакль «Бабье поле». Это рассказ о женской судьбе на Руси, рассказ, основанный на подлинном народном материале. Картина первая — языческая. На русской земле начинается новый день. Что принесет он нам? В добрые игры играем мы — не заигрываем. Играем, и в своей игре страстно хотим одолеть все горести и напасти силой своей душевной и верой своей. Картина вторая: приходит беда. И мать поет свою песню над пустой колыбелью неродившегося младенца. Не убрано поле — уходят на войну мужчины. Выжжено поле, обильно полито кровью мужей и братьев, отцов и сыновей. И слышится вдовья песня из края в край. И третья картина — все возвращается, снова жизнь. Но горек хлеб, трудно рождает брачное поле. Не слышится песня — откуда силы? А сила людская в бабьей силе. Когда исполняем мы в последней части «Вдовья частушки», в зале многие плачут...

— Как вам кажется, публика идет на ваши спектакли?

— Мое мнение, что нас хорошо принимают. В театре Пушкина, летом в межсезонье, зал заполнен. Нам в дирекции театра сказали, что они на свои спектакли давно столько народу не собирают. Для многих это ново и интересно: и язык, и диалекты, тексты песен, богатая народная пластика. А как мы поем, звук чистый, открытый, и никаких микрофонов.

— Если дирекция театра так понравилась ваше выступление, то почему бы им не предоставить вам возможность поиграть на их сцене?

— Вот тут и начинаются наши сложности. Театр нас пригласил, включил в сезонный репертуар, но надо было оплатить аренду, а наш спонсор это не потянул. Аренда стоит огромных денег, и мы из-за этого практически не выступаем. А ведь говорила, что наш коллектив профессиональный, то есть девочки здесь работают и должны получать зарплату. А откуда деньги, если редки выступления, да и прибыль от этих показов мизерная. Нам для начала нужен скорее не спонсор, который тоже заинтересован в материальной выгоде, а меценат, стремящийся поддержать, что лукавить, уже совсем потерянное русское фольклорное творчество.

— Но мне казалось, что сейчас «все русское» стало ходким товаром. Может быть, поможет за граница?

— Мы показывались одному греку. Ему все понравилось, только вот девочек надо раздеть и дать им в руки балалайки, и тогда хоть завтра в турне. Трудно, очень трудно. Вот и уже кое-кто из участниц говорит о том, что можно было бы попустить, а кое-кто и уходит собирается — страшно жить в нищете. Но мы не можем раздеваться и распевать «Калинку», тогда «Ладанка» перестанет быть хранительницей и потеряет свою чудодейственную силу.

Юлия Котова